

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ЭКОНОМИКИ

© 2012 г. Алексей Андреевич Алпатов¹

Краткая аннотация: в настоящей статье анализируются представления о соотношении права и экономики. Предлагаемая автором версия концепции соотношения экономики и права нацелена на то, чтобы сделать реформу правовой и экономической систем более гармоничной и эффективной, а также создать базовые условия для высокотехнологичного развития народного хозяйства.

Annotation: this article analyzes the views on the relationship between law and economics. It might be assumed that the proposed development of the author's version of the concept of the correlation of economics and law will help to make the reform of legal and economic systems more coherent and efficient, and to create the basic conditions for the innovative development of the economy.

Ключевые слова: право, экономика, соотношение, обмен, труд, собственность, экономические закономерности, общее равновесие.

Key words: law, economics, correlation, market exchange, labor, property, economic laws, total economic balance.

В последнее время существенно возросла актуальность исследования вопросов соотношения права и экономики. Интерес к этой теме подогревают события, вызванные экономической рецессией, охватившей многие страны мира. В данной статье сделана попытка проанализировать проблему правового регулирования экономики в свете рыночных провалов с двух точек зрения (экономической и юридической).

Изучая проблему соотношения права и экономики в экономическом плане, можно увидеть, что попытки осмыслить их взаимосвязи были предприняты еще Адамом Смитом, который рассматривал право как механизм, способствующий общественному благу. Над этим вопросом задумывались Д. Юм, Т. Гоббс, И. Бентам, представители исторической школы (В. Зомбарт, Г. Шмоллер, М. Вебер), основатели американского институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс)², марксисты и многие другие ученые.

По нашему мнению, с большой долей условности и в самом крупном плане всех исследователей экономических вопросов можно разделить на два лагеря: рыночников и антирыночников. Было бы идеально, если бы в среде рыночников сформировалось полное единство взглядов. В действительности здесь можно увидеть огромное количество течений и школ. Однако целесообразно несколько упростить схему и в самом грубом приближе-

нии выделить две ветви, идущие от одного корня (классической политэкономии). Для представителей первого течения близки идеи “свободного рыночного хозяйства” и совершенной конкуренции. Ф. Хайек, М. Фридман, Дж. Хикс и др. полагаются на то, что невидимая рука рынка может справиться с любой задачей, поэтому роль государства сводится к функциям “ночного сторожа”. Они убеждены, что именно эти принципы организации экономической деятельности в большей степени отвечают природе человека. Так, Ф. Хайек ратовал за то, что единственно возможным и рациональным путем развития общества является путь, сочетающийся со стимулами частноиндивидуалистической свободы при минимальной роли государства. Он утверждал, что не может свобода личная и политическая существовать без свободы экономической. Планирование и конкуренция совместимы только в том случае, когда первое способствует второму, а не действует против. С его точки зрения, рыночная система нуждается в разумно сконструированном и непрерывно совершенствуемом правовом механизме. Одним из главных назначений законодательства являются охрана и развитие конкуренции. Вместе с тем, существуют области, в которых никакие правовые установления не могут создать условий для функционирования частной собственности и конкуренции. В этой сфере лучше всего полагаться на способность людей стихийно вырабатывать правила поведения, юридические нормы, и никакое государство не может заменить в данном отношении их свободного выбора³.

¹ Доцент кафедры права Всероссийского заочного финансово-экономического института, кандидат юридических наук (E-mail: alpatov.volgograd@vzfei.ru).

² См.: MacKaay E. History of Law and Economics // Encyclopedia of Law and Economics / B. Bouckaert, G. De Geest (eds.). Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2000. P. 65–117.

³ См.: Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992. С. 18–65.

Представители второго течения под впечатлением рыночных коллапсов начала XX в., вынуждены были согласиться с необходимостью государственно-правового вмешательства в экономику. Весомый вклад в теорию “регулируемого капитализма” внесли Дж. Кейнс и Р. Харрод, которые выступали за подпитку эффективного спроса в форме правительственных расходов на экономические нужды и государственных инвестиций в сфере транспорта, строительства жилья, коммуникаций. При этом было бы неверно полагать, что речь шла об отказе от рыночных отношений или об их свертывании. Напротив, выдвигаемые идеи были направлены на утверждение рыночных отношений. Так, Дж. Кейнс пишет: “хотя расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждение инвестировать показалось бы публицисту XIX века или современному американскому финансисту ужасающим покушением на основы индивидуализма, я, наоборот, защищаю его как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы”⁴.

В данном случае, с нашей точки зрения, по вполне объективным причинам как ответ на вызовы времени предпринимаются попытки уравновесить экономическую систему мерами государственного регулирования. В то же время первичная клетка экономики (корпорация), сбой в которой отражается на всей хозяйственной системе, пока остается за границами анализа. А ведь именно несбалансированность на уровне основной хозяйственной единицы экономики производит своего рода синергетический эффект и дестабилизирует всю экономическую систему.

С определенной долей условности ко второму течению следует отнести и представителей институционализма⁵ (Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж. Гелбрейт).

Их позиция в главном совпадает с предложениями теоретиков регулируемого капитализма, но принципы и методы регулирования несколько корректируются. В своих практических рекомендациях они склоняются не к государственному, а к “социальному контролю” над рыноч-

ной экономикой, где особое значение придается сделкам⁶.

Они отводят решающую роль юридической стороне, указывают на примат права над экономикой. Так, Дж. Коммонс в своих исследованиях делал основной акцент на правовые факторы и упрекал классиков и маржиналистов за недостаточность анализа юридических норм. С его точки зрения, возникающие экономические противоречия можно уладить с помощью, во-первых, законодательной деятельности государства, во-вторых, сделки, т.е. юридического соглашения, и, в-третьих, независимого правосудия, которое, принимая решения по конкретным делам, осуществляет контроль над экономикой. Особое внимание он уделял действующим коллективным институтам, которые направляют поведение индивидов. Центральное место среди них занимают корпорации, профсоюзы и политические партии, которые выступают как “группы давления”. Дж. Коммонс призывал признать за тред-юнионизмом статус законного и неотъемлемого компонента структуры зрелого промышленного общества⁷. В своих книгах “Промышленная доброжелательность” (1919) и “Промышленное управление” (1923) он развивал идею социального соглашения рабочих и предпринимателей посредством “взаимных уступок”. Новый этап промышленного развития, связанный с ростом крупных корпораций, привел, по словам Дж. Коммонса, к “диффузии капитализма в гуще широких масс народа”⁸.

Наряду с коллективными действиями другой важнейшей категорией институциональной теории Дж. Коммонса стало понятие сделки (транзакции). Ее суть вытекает из неоклассической идеи редкости ресурсов, поскольку конфликт по поводу их использования разрешается путем совершения транзакций. Без этого базового института общества коллизия интересов выродилась бы во всеобщее насилие людей друг над другом, которое привело бы к громадному экономическому и социальному ущербу. Однако транзакцию нельзя путать с “простым” обменом ресурсами, товарами или услугами. Согласно определению Дж. Коммонса “транзакция – это не обмен товарами, а отчуждение и присвоение прав собственности и свобод, созданных обществом”⁹. Транзакционный процесс служит определению

⁴ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 455.

⁵ Институционализм от лат. *institutum* – установление, устройство, учреждение. Предполагает системный анализ процессов и явлений, называемых институтами.

⁶ См., например: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Commons J.R. Institutional Economics. N.Y., 1934.

⁷ См.: Commons J.R. Указ. соч. N.Y., P. 634.

⁸ Commons J.R. Industrial Government. N.Y., 1923. P. 272.

⁹ Commons J. Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21. P. 652.

“разумной ценности”, возникающей из согласия о выполнении в будущем условий контракта, главное предназначение которого состоит в том, что он играет роль “гарантии ожиданий”. В своих теоретических построениях Дж. Коммонс надеялся, что в ходе коллективных действий капиталистов и рабочих постепенно будут формироваться “разумные обычаи”, позволяющие усовершенствовать сами институты. В этом он видел важнейший путь к поддержанию общественного равновесия¹⁰. Эти идеи нашли отражение в Акте о трудовых отношениях (один из важнейших документов рузвельтовского Нового курса), закрепившем за рабочими право заключения коллективных договоров.

Итак, Дж. Коммонс сделал акцент на важность коллективных действий в рыночной экономике и распространение теории сделки на этот процесс, а также обратил внимание на “разумную ценность” и спонтанное формирование “разумных обычаев” в ходе коллективных переговоров. В данном случае вектор исследования оказался нацеленным в эпицентр взаимоотношений на микроуровне, т.е. аналитики прониклись важностью проблем первичной клетки экономики – корпорации. Выходит, что институциональная мысль от анализа рынка вообще постепенно, по логике вещей переориентировалась на исследование вопросов взаимоотношений в отдельном субъекте хозяйствования. Однако поиск адекватного решения какой-либо проблемы не всегда бывает прямым и гладким. Чаше он полон загадочных зигзагов, поскольку проверка временем и общественной практикой новых идей вносит свои коррективы. Так, А. Берль и Г. Минз в работе “Современная корпорация и частная собственность” (1932) решили изучить структуру прав в корпорации, вероятно, подчиняясь отмеченной выше инерции, но несколько сместили центр тяжести от коллективных взаимодействий между капиталистами и рабочими к отношениям между собственниками и менеджерами. Проанализировав обширный статистический материал, они подробно обосновали вывод, намеченный в последней книге Т. Веблена, об отделении собственности от контроля в крупных акционерных компаниях. Большинство собственников превратились в пассивных инвесторов, а реальное управление предприятиями перешло в руки менеджеров, которые могут осуществлять контроль над корпорациями в своих интересах. Это представление, может, и не является единственно правильным во всех ситуациях, в действительности картина гораздо сложнее, но

акцент на исследование проблем права собственности как ключевой категории во взаимодействии экономики и права имеет под собой прочную основу. Поэтому вполне объяснимо то, что право собственности стало толчком для формирования целой школы под названием “экономический анализ права” (экономика права). Экономика права основывается на убеждении, что основная парадигма экономической науки – теория выбора. Через призму этого мышления каждый индивид рассматривается в качестве основного элемента анализа и предстает перед нами эгоистом, добивающимся максимальной выгоды. Использование ресурсов с какой-либо целью обязательно влечет издержки и разные ценности альтернатив. Так или иначе, но суть рыночных отношений лучше всего раскрывает концепция равновесия¹¹.

Д. Фридман пишет: “Экономический анализ права подразумевает три отдельных, но взаимосвязанных элемента. Это – использование экономической теории в целях определения эффекта правовых норм. Второй – привлечение экономической теории для определения экономической эффективности правовых норм, чтобы выработать рекомендации по дальнейшему их использованию. Третий – применение экономической теории для того, чтобы определить, какими должны быть правовые нормы. Итак, первое связано с теорией ценообразования, второе – с экономической теорией благосостояния, третье – с теорией общественного выбора”¹².

А. Бальсевич полагает, что исторически сложились три этапа развития экономики права: позитивизм, доктринализм (с XVIII в. до начала XX в.), правовой реализм (с 1920-х по 1970-е годы), школа критических правовых исследований (с 1970 г. по настоящее время). Выделяют три основных подхода в теории экономики права: чикагская школа, австрийская школа, институционализм. Чикагская школа пока удерживает лидерство среди указанных направлений, основываясь на теории рационального выбора. Принимая продолжающуюся критику в свой адрес, ее представители уповают на то, что никакой другой подход не сможет быть столь же успешным¹³.

¹¹ См.: Burrows P., Veljanovski C.G. Introduction: The Economic Approach to Law. 1981 (Section 1.1. The economic approach to law) // The Legacy of Ronald Coase in Economic Analysis. Vol. II. P. 344–355.

¹² См.: The New Palgrave: A Dictionary of Economic Theory and Doctrine / Ed. by J. Eatwell, M. Milgate and P. Newman. Macmillan, 1987. Vol. 3. P. 144.

¹³ См. также: Бальсевич А. Экономика права: проблемы возникновения и история развития // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 60–71.

¹⁰ См.: Commons J.R. Myself. N.Y., 1934. P. 87.

Центральное место в экономическом анализе права занимает теория прав собственности, которая обращена на более глубокое изучение проблем экономических организаций и “транзакционной экономики”. У истоков теории прав собственности стояли два известных американских экономиста – Р. Коуз и А. Алчян. Среди тех, кто активно участвовал в ее последующей разработке, можно назвать Й. Барцеля, Л. де Алесси, Г. Демсеца, М. Йенсена, Г. Еаламреззи, У. Меклинга, Д. Нор-та, Р. Познера, С. Пейовича, О. Уильямсона, Э. Фаму, Э. Фьюрботна, С. Чена. В нашей стране проблемам экономики права также был посвящен ряд работ¹⁴.

После обнародования исследований Р. Коуза экономисты стали учиться быть более осторожными в анализе социальных издержек. Появилось четкое представление о том, что воздействие социальных издержек взаимосвязано. Причем многие проблемы, связанные с социальными издержками, возникают именно из-за нечеткого определения прав собственности на многие важные ресурсы. Он полагал, что совершенная рыночная конкуренция в состоянии эффективно контролировать объем наносимого ущерба, если права собственности четко определены и транзакционные издержки стремятся к нулю¹⁵.

Р. Коуз показал, что в мире положительных транзакционных издержек распределение прав собственности играет важную роль с точки зрения эффективности распределения ресурсов¹⁶.

Обратившись к анализу давней проблемы отрицательных внешних эффектов (например, дым из трубы фабрики, вредный для живущих поблизости людей, которые не являются потребителями продукции этой фабрики), Р. Коуз впервые указал на обоюдный характер проблемы. Как неоклассик он предложил решение проблемы внешних эффектов, исключаящее непосредственное государственное вмешательство, и настаивал на том, что результат частных добровольных соглашений между фабрикой и населением объективно совпадает с “общественным благом”, т.е. выбирается вариант, максимизирующий благосостояние

общества в целом¹⁷. Итак, экономическая теория права позволяет сделать принципиально важные общие выводы на предмет соотношения прав и экономики. С этой точки зрения правовая система призвана обеспечить наиболее эффективное (в плане общественной выгоды) распределение редких ресурсов в ходе добровольных соглашений. Для этого юридические правила, как подчеркивает Р. Познер, должны имитировать идеальный рынок – распределять права собственности так, как это делал бы рынок при отсутствии экстерналии. Значит, главная задача права – спецификация прав собственности, т.е. четкое и прозрачное определение границ правомочий хозяйствующих субъектов и их защита. Кроме того, убедительные аргументы изложены в рамках экономической теории права относительно противоречивой роли государства в современном рыночном хозяйстве. Так, экономисты предупреждают о том, что правительство вряд ли станет вести себя как социальное агентство, чья единственная и главная цель состоит в том, чтобы максимизировать общественное благосостояние. Исследования теоретиков общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок и др.) показали, что политические деятели на самом деле максимизируют свои собственные цели, подчиняясь ограничениям, связанным с периодическими выборами. Поэтому издержки государственного вмешательства часто будут превышать выгоды от него. Помимо сказанного, правительство не обладает большим знанием, чем отдельные индивиды, но, несмотря на это, оно будет стремиться к вмешательству в хозяйственную жизнь безотносительно к основному критерию эффективности – максимизации общественного блага, в том числе и под влиянием лобби. Произвол будет продолжаться до тех пор, пока избиратели будут позволять это¹⁸.

Тем не менее, учитывая сказанное, а также то, что государственная собственность менее эффективна, чем частная, поскольку государственный сектор представляет собой своеобразную “экономику бюрократии”, просматривается интересный парадокс: для того чтобы частнособственническая система могла эффективно развиваться, необходимо сильное государство, которое могло бы уверенно специфицировать и надежно защищать права собственности.

¹⁴ См., например: *Капелюшников Р.И.* Экономическая теория прав собственности. М., 1990; *Право и экономика: традиционный взгляд и перспективы развития.* М., 1999; *Дикин С.* Современное движение права и экономики: анализ и оценка // Истоки. Вып. 4. М., 2000. С. 178–227.

¹⁵ См.: *Burrows P., Veljanovski C.G.* Introduction. The Economic Approach to Law. 1981 (Section 1.1. The economic approach to law) // *The Legacy of Ronald Coase in Economic Analysis.* Vol. II. P. 344–355.

¹⁶ См.: *Mackaay E.* History of Law and Economics. // *Encyclopedia of Law and Economics.* 2000. P. 75.

¹⁷ См.: *Коуз Р.* Проблема социальных издержек // *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М., 1993. С. 87–141.

¹⁸ См.: *Rowley C.K.* The “Problem” of Social Cost // *Cheng S.N.S.* The Myth of Social Cost. CATO Paper № 16. San Francisco, 1980. P. XVII–XXII; *Mishan E.J.* Pareto Optimality and the Law // *Oxford Economic Papers.* November. 1967.

В то же время в данном направлении экономической мысли есть некоторые моменты, которые нас откровенно смущают. Так, с точки зрения представителей экономики права транзакционные издержки тем выше, чем более сложной является хозяйственная система. Однако, как они сами заметили, чем сложнее система, тем, возможно, выше ее производительность, соответственно, удельный вес издержек будет иметь тенденцию к снижению. Далее, создание фирмы представляется для них способом минимизации транзакционных издержек, поскольку внутри фирмы служащие общаются не как самостоятельные и равноправные участники рынка, а согласно принципам административного подчинения. В отношениях с другими экономическими агентами, т.е. вовне, фирма при заключении любых контрактов действует как одно целое – самостоятельное юридическое лицо. Этот вывод склонил представителей экономической теории права к тому, чтобы основное внимание сосредоточить на правах собственности во внешнем периметре корпорации. Но логика развертывания нашего анализа отчетливо показывает, что центральная проблема с правами собственности сидит внутри фирмы. Поэтому мы полагаем, что многие общие выводы теории транзакционной экономики, особенно в части спецификации прав собственности экономических агентов, могут быть использованы для поиска баланса прав собственности или властных правомочий на определенный ресурс именно внутри корпорации.

Несколько нарушив хронологическую последовательность развития экономико-правовых воззрений, нельзя обойти стороной и антирыночные идеи марксизма. В этой доктрине встречается немало парадоксов, так, что вопросы первичности и вторичности исследуемых категорий (которые чаще всего смакует ученые) иногда отходят на задний план. Тем не менее, раскрывая суть материалистического понимания общественной жизни, К. Маркс писал: “В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вооб-

ще... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке”¹⁹.

Из категоричности и однозначности данной трактовки права, конечно, не следует безусловно-го примата экономического базиса над правовой надстройкой, поскольку марксизм не отрицает и возможности активного обратного воздействия права и относительной самостоятельности последнего. Эта характеристика подчеркивала сложную и противоречивую природу соотношения экономики и правовой надстройки, но при ведущей роли материальных производственных отношений в закономерном развитии общества и его отдельных частей. Если схематично взаимодействие экономики и правовой надстройки довольно ясно описывается как соотношение содержания и формы, то вопрос об иных внешних связях права, его взаимодействии с другими частями надстройки, с различными формами общественного сознания гораздо сложнее. Так, в литературе утверждается, что “отношения между правом и факторами, его обуславливающими, – это не параллельные и независимые отношения, а цепь взаимосвязанных отношений, в рамках которых материальные факторы, являющиеся в конечном итоге определяющими, от ступени к ступени детерминируют элементы будущих правовых норм через посредство факторов духовных”²⁰.

Наряду со стройностью и гибкостью разработанной классиками марксизма-ленинизма системы, очевидны отдельные нарушения логики рассуждения и нестыковки в выводах. Хотя признается существование объективных законов экономики, но в дальнейшем формационное видение социальных трансформаций приводит к заключению, что рациональное обустройство общества преодолевает или вытесняет с исторической арены их стихийный характер. Другое недоразумение сводится к тому, что весьма глубокое понимание логики отношений, складывающихся на базовом уровне экономики (теория прибавочной стоимости), толкает марксистов к довольно радикальному решению. Они полагают, что проблема эксплуатации человека человеком будет снята, если упразднить частную собственность. С одной стороны, нельзя отрицать логичность их рассуждений, с другой – если смотреть глубже, то непонятно, почему они смогли увидеть в

¹⁹ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. Т. 1. М., 1970. С. 335, 336.

²⁰ Наишиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 15.

собственности только отрицательный эффект и решили “выплеснуть” вместе с ним ее огромный позитивный потенциал.

Осмысливая в совокупности положения марксизма и теории экономики права, думается, что и те, и другие приблизились к некоторой критической точке в проблеме соотношения экономики и права. Сопоставляя взгляды этих школ, пожалуй, основное различие между ними в том, что марксисты не видели перспектив в рыночном устройстве национального хозяйства и предлагали его заменить рациональной системой планирования социальных процессов и ликвидировать частную собственность. А представители экономики права, напротив, пытались сохранить и усовершенствовать рыночную экономику и апеллировали к частной собственности. Тем не менее, хотя каждая школа пыталась выстроить собственную систему координат, все же они шли в одном направлении, поскольку в качестве ключевой проблемы для тех и других (так или иначе) была собственность. В действительности это самое больное место в рыночной экономике, однако ни в коем случае не принижающее достоинства рынка.

Рассмотрев проблемы соотношения экономики и права через призму экономического анализа, остается нанести последний штрих – исследовать данный тандем с юридической точки зрения. Здесь можно обнаружить, что юриспруденции не свойственна столь прямолинейная постановка вопроса, т.е. ее не особенно волнуют именно проблемы соотношения права и экономики. Для правоведов ближе вопросы нормирования общественных отношений вообще. И на то есть две серьезные причины. Первая состоит в том, что обозначенная проблема для многих специалистов уже однажды и навсегда решена (например, в теории марксизма), и к ней нет смысла возвращаться. А вторая (более весомая) указывает на то, что разработанные юриспруденцией общие принципы и подходы имеют продолжение и в данной точке приложения, поскольку во многом перекликаются и не выходят за рамки понимания права, как такового, а также его методологического арсенала. Кстати, это явно бросается в глаза при знакомстве с работами, даже при условии, если заявлена характерно узкая тема изучения. Но, тем не менее, анализ природы права, подчиняясь конкретике темы исследования, велся в контексте проблемы соотношения права и экономики. Конечно, достоверность изложенных выводов и представлений подтвердит только время и практика, но, тем не менее, в завершение исследования есть шанс еще

раз проверить их на прочность, подвергнув обстрелу тяжелой артиллерией контраргументов.

Правда, предварительно придется провести линию водораздела между выводами о праве вообще и анализом имевших место быть, но не столь многочисленных взглядов на соотношение права и экономики, как таковое, причем только отечественных ученых-юристов. Последнее предопределяется тем, что юриспруденция гораздо раньше экономики, еще в Древнем Риме, сформировалась как самостоятельная отрасль теории и практики. Поэтому какие-либо соображения о соотношении права и экономики обычно вытекали из взглядов о взаимосвязи позитивного и естественного права. Именно в естественном праве еще в древности едва различимо встречаются хозяйственный подтекст и зачатки экономического мышления. Спустя почти полторы тысячи лет, в новое время, классики политэкономии, подчиняясь объективной тенденции, инициируют процесс выделения экономики в самостоятельную область исследования. Дальнейшее усвоение проблем взаимодействия правовой и экономической систем вполне логично сосредоточилось в лоне политэкономии. Поэтому западноевропейские ученые, понимая значимость вопросов взаимодействия анализируемых категорий, педантично изучают их с позиции экономики, что и было обнаружено в нашем экономическом анализе. Ориентация политэкономии на объективные закономерности укрепляла ее статус как глубокой и точной науки. Соответственно, назначение “прародительницы” экономики – права – подспудно сводилось к тому, чтобы обслуживать свое “чадо”. К тому же в отличие от юриспруденции у политэкономии более тесные связи с естествознанием. Это придавало и придает ей еще бóльшие научность и динамичность. Напротив, право имеет склонность к консерватизму: для юристов характерно стремление ограничиться рамками правовых норм. Недаром нормативизм оказался очень влиятельным течением и в нашей стране. Это диктуется инструментальной функцией права и тем, что правоведы ассоциируют его с авторитетом и властью государства, санкционирующего правовые нормы.

В то же время весьма специфичная конъюнктура сложилась в советской юридической науке первой волны. Она была буквально пропитана экономизмом, ощущается колоссальное влияние догматов марксизма-ленинизма. Безусловно, роковую роль во всей конфигурации юридической мысли сыграло определение права в “Манифесте Коммунистической партии”, где сказано: “Право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля,

содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса”²¹.

В данной дефиниции просматривается фатальная зависимость права от экономики. В то же время статус права немного поднимается, когда классики говорят, что из всей надстройки именно право представляет собой такой элемент, который ближе всего находится к экономическому базису²².

Кроме того, используемое в этой формуле понятие воли, во взаимосвязи с другими терминами деформирует привычное представление о данной категории. Как известно, указанный термин получил развитие в естественно-правовой доктрине. Для современников обычно понятие воли вмещает в себя два взаимосвязанных представления. Во-первых, это концентрация общей воли политического центра в форме правового закона, в котором отражаются требования объективных закономерностей. А во-вторых, это волевые поступки индивидов как реакция на указанные правовые предписания. Вопреки этим рассуждениям в цитируемом определении доминируют волевые поступки. В другом месте классики не изменяют своей позиции и отмечают, что юридическое отношение, формой которого является договор (все равно, закреплён ли он законом или нет), есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением²³.

Все-таки гибкость изложения не даёт скрыть того, что в этих суждениях над всем превалирует экономический мотив (материальный интерес) волевых поступков людей. По сути, отодвигается на второй план фундаментальное условие экономики – объективные закономерности. И получается, что экономический эгоизм подминает под себя экономические законы. Вроде бы ясно, что хотят сказать классики, но также нельзя освободиться от ощущения, что идёт некая подмена понятий и что-то перевернуто с ног на голову. Разумеется, и реальная практика социализма отреагировала на этот тезис вполне адекватно: она была сведена к элементарному волюнтаризму. Так, В.П. Шкредов пишет, что “вопреки принципу независимости экономических законов как объективных по своему характеру от воли людей, отправным пунктом объяснения экономических явлений социалистического общества становились воле-

вые отношения, сознательная, целенаправленная деятельность единого экономического центра по организации всего общественного производства в форме плана, распространяющегося на основные процессы развития народного хозяйства”²⁴.

Отмеченные концептуальные аспекты стали основой для соответствующих понятий в советской юридической науке и определили на протяжении многих десятилетий принципиальные подходы к проблеме соотношения экономики и права. Поэтому не удивительно, что в истории советской юриспруденции отрицание права и всецелое экономическое детерминизма сменяется диктатурой закона. Если в теории имеет место двусмысленность или неясность, то это и становится своего рода западней, даже для тех, кто, искренне заблуждаясь, решил ей следовать. Да и эластичность формул, и жизненная сила экономизма все-таки не уберегли советскую систему от фатального исхода. Но в то же время, хоть и не надолго, это дало возможность расширить представление о праве настолько, что оно стало вмещать в себя и экономику, и иные общественные отношения, что опять же нас возвращает к тем самым невероятно живучим идеям естественного права, которое в единстве с позитивным образует право, как таковое. Этот подтекст можно увидеть в следующих размышлениях. Так, П.И. Стучка полагает, что право представляет собой форму, в частности формальное опосредование экономики как содержания. С его точки зрения, юридическая система разделяется на содержание – общественные отношения и на форму их урегулирования и поддержки или охраны, куда относится государственная власть, законы и т.д.²⁵

Следовательно, П.И. Стучка, анализируя право как порядок реальных общественных отношений, насколько это возможно в рамках юриспруденции, намерен выйти за пределы традиционной юридической науки, считающей своей задачей изучение собственно правовых явлений. Выход за границы чисто юридических институтов абсолютно необходим, поскольку в противном случае можно остаться в плену своих абстрактных логических конструкций, порой не соответствующих реальной действительности. Такой же выход за указанные пределы в поисках действительного

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Избр. произв. Т. 1. С. 122.

²² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 310.

²³ См.: там же. Т. 23. С. 94.

²⁴ См.: Шкредов В.П. Экономика и право. (Опыт экономико-юридического исследования общественного производства). Изд. 2-е., перераб. и доп. М., 1990. С. 245.

²⁵ См.: Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 52, 296.

содержания правовой формы был осуществлен Е.Б. Пашуканисом²⁶.

Все это говорит о том, что изучать право требуется в самих общественных отношениях, образующих живую ткань социального организма. То же самое, видимо, хотел сказать И. Карнер, полагая, что настоящая наука о праве начинается там, где кончается юриспруденция²⁷.

Кстати, несмотря на то что эти ученые были искренними сторонниками марксизма, именно двусмысленность и гибкость его формул (нет худа без добра!) невзначай помогли им заглянуть в самую суть вещей.

Если обратиться к современным исследованиям проблем соотношения экономики и права (в условиях обустройства рыночной экономики), то опять всплывает интересный парадокс. Так, А.В. Петров отмечает то обстоятельство, что во многих исследованиях по сравнению с работами десятилетней давности марксистские подходы прямо не отстаиваются, но и взамен ничего нового не предлагают. Поэтому сама проблема, если она вообще выделяется, предстает в достаточно размытом, четко не зафиксированном виде²⁸.

Действительно, марксизм глубоко укоренился в сознании отечественных ученых. Видимо, этому способствовала мощная пропагандистская машина, да и на его наследии было воспитано не просто несколько поколений ученых, а целое общество. Причем надо признать, что методология, научная картина мира марксизма опирались на глубокие исследования в области гуманитарных наук, и предлагалось динамичное, целостное и системное видение действительности. Однако это не оправдывает замкнутости рамками застывших идей. Сам К. Маркс не раз в своих работах предостерегал от заблуждения возводить его постулаты в ранг абсолютных и окончательных истин. Ведь каждый последующий этап общественного развития требует отражения в науке более точной картины действительности. Поэтому только расширение горизонтов исследования и усовершенствование ее методологии позволит преодолеть ошибки и провалы марксизма и других измов, выявленные общественной практикой. В то же

время без пусть даже неудачного опыта и ошибочных идей вряд ли возможно глубоко познать природу общественных отношений. Да и было бы нелепо отвергать те его положения, которые выдержали испытание временем.

Правда, для современных авторов характерно стремление не отождествлять свои взгляды с марксизмом. Так, А.А. Ларин пишет, что, в отличие от классиков марксизма, он ни в коем случае не пытается доказать исключительное значение экономических факторов в формировании права или поведения индивидов. Экономические факторы воздействуют на право наряду с другими²⁹. Т.Р. Орехова отмечает, что зависимость права от экономики, от господствующих в обществе производственных отношений согласно положениям марксизма привело к обеднению в определенном смысле понимания и значения права в жизни общества. Она полагает, что характер и формы взаимодействия права и экономики обуславливаются различными факторами. Эти феномены не просто соотносятся, а взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга. Известно множество подходов к классификации социальных систем в истории развития человечества. Однако, с ее точки зрения, при анализе проблем соотношения права и экономики в различных социальных системах целесообразным представляется идти по пути их классификации и исследования в зависимости от развития или отсутствия в социуме структур рыночной экономики.

Значит, Т.Р. Орехова и А.А. Ларин не возражают против важности экономического фактора в возникновении права. Для них также характерно понимание данного соотношения через призму роли экономики в генезисе права, т.е. экономические отношения рассматриваются как социальный источник возникновения, существования и развития права. В этом прослеживается некоторое сходство с воззрениями В.М. Ведяхина и С.Н. Ревинной³⁰.

Нужно признать, что они проявили мужество, не только тем, что отмежевались от марксизма, а больше тем, что отстаивают собственные взгляды. Более того, окунувшись в бездну экономических идей и проблем, они действительно предпринимают попытку выйти за пределы юриспруденции, где начинается настоящая наука о праве. Через их творчество юриспруденция обогатилась

²⁶ См.: Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С. 32.

²⁷ См.: Карнер И. Социальные функции права. М., 1923. С. 11.

²⁸ См.: Петров А.В. Экономика и право (К проблеме соотношения) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. "Право". Вып. 1. Н. Новгород, 1998. URL: <http://www.unn.ru/rus/books/stat3.htm> (дата обращения: 12 марта 2010 г.).

²⁹ См.: Ларин А.А. Роль экономических факторов в развитии права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

³⁰ См.: Ведяхин В.М., Ревина С.Н. Принципы правового регулирования рыночных отношений. Самара, 2005.

присущими экономике понятиями, терминами и категориями, такими как “ожидание” (индивида, группы лиц, общества, государства), “доверие” (экономических агентов друг к другу, к государству и наоборот), “альтернативная стоимость”, “общественный выбор”³¹. В этих работах снова заговорили о проблемах специфического юридического отражения экономических законов в правовых нормах, которые поднимались в литературе неоднократно и ранее³².

В результате встречного анализа соотношения права и экономики можно сделать следующие выводы:

во-первых, очевидно, что с поступательным развитием общества актуальность исследования этой проблемы будет только возрастать, и она всегда будет предметом острой дискуссии, потому что все еще не найдена оптимальная формула соотношения права и экономики. Исторический анализ показал, что в каждой стране взаимодействие права и экономики имеет свою особую специфику из-за различий в религии, культуре, моральных ценностях, укладе жизни и т.п., но за отмеченным многообразием скрывается нечто общее и важное для любых общественных систем. Таковым является обеспечение достойного уровня жизни человека, рост благосостояния всего общества;

во-вторых, природе человека и общества в наибольшей степени свойствен свободный рыночный обмен продуктами труда, поскольку с ним связаны представления человека о равенстве и свободе. Обменные отношения, возникшие вследствие разделения труда и специализации, отвечают основному принципу экономики – эквивалентности. Разделение труда в сочетании с конкуренцией выступают в качестве двигателей общественного прогресса, поскольку состязание между фирмами ориентирует их хозяйственную деятельность на потребителя, максимизирует эффективность производства благ и рост общественного благосостояния. Практика внедрения директивной экономики от обратного показала, что правовое регулирование не должно заходить дальше рамочных условий реализации экономической инициативы (равенство стартовых возможностей), установления и охраны прав собст-

венности, добросовестной конкуренции и других общих начал функционирования рынков, а также юридического оформления взвешенной фискальной политики. Глубина и точность правового регулирования экономических отношений должны корреспондировать автоматическому установлению экономического равновесия как внутренне присущему экономике закону. При таком положении дел экономика исподволь стремится (под воздействием внутренних сил) к равновесию, а задача права состоит в том, чтобы содействовать установлению экономического баланса на макроуровне и микроуровне. Значит, право должно стараться структурировать экономику, исходя из присущих последней объективных закономерностей;

в-третьих, довольно сложная структура взаимосвязи экономики и права обусловлена главными детерминантами той и другой категории. В экономике фундаментальная роль принадлежит объективным законам, в праве – общей воле граждан в лице государства. Лучше всего характер взаимодействия может быть представлен через иерархию сущностей. По нашему мнению, экономика есть сущность права, а сущность экономики – это равновесие либо справедливость. Другими словами, можно сказать, что сущностью экономики, т.е. сущностью второго порядка права, является баланс равенства и свободы, который может быть представлен в виде наложения двух равновесий, устанавливающихся одновременно на рынке, – эквивалентного и свободного обмена между хозяйствующими субъектами (1) и непосредственно в корпорации – баланса прав собственности (2);

в-четвертых, для эффективного взаимодействия экономики и права необходимо соблюдать принцип, согласно которому законодательство не диктует фактические действия участников той или иной коллизии, а лишь фиксирует подкрепленные законом права участников, оставляя им возможность искать договоренности на основе признания этих прав. Все это, вместе взятое, обеспечивает экономический рост и социальную справедливость, т.е. максимизируется благосостояние общества³³. Роль права как регулятора минимизируется при условии, если права собственников точно специфицированы, и его авторитет как охранителя высок в глазах гражданского общества. Для этого необходимо, чтобы нормы-регуляторы вырабатывались на основе комплексного экономического анализа, призывающего все отрасли права. С точки зрения

³¹ См.: *Орехова Т.Р.* Соотношение права и экономики (Общетеоретические аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

³² См., например: *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 138; *Государство, право, экономика* / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 72, 73; *Шкредов В.П.* Указ. соч.

³³ См.: *Познер Р.* Экономический анализ права. СПб., С. 33.

Р. Познера, “экономическая наука является мощным инструментом анализа широкого круга правовых вопросов”³⁴;

в-пятых, экономисты пытаются отойти от привычных соображений по поводу справедливости, обсуждая вместо этого проблемы эффективности. Они утверждают, что при оценке того или иного закона следует обращать внимание не на то, как он будет действовать в отдельных случаях, а на то, как он повлияет на поведение людей, знающих законы и рационально планирующих свои действия. Однако, на наш взгляд, категории эф-

фективности и справедливости прочно взаимосвязаны. Поэтому тезис о том, что экономический анализ обнаруживает существование убедительных аргументов для обоснования правовых норм, исходя из соображений эффективности и вроде бы в противовес справедливости, является неверным, наряду с прозвучавшим утверждением: напрасно возражать тому, что экономический анализ права уделяет внимание тем фактам сложных взаимоотношений, которые могут быть не замечены другими аналитиками. Экономический подход помимо глубины анализа и точности обеспечивает также единство отдельных отраслей права, которое часто отсутствует в традиционном правовом анализе.

³⁴ См.: там же. С. 3; *Duxbury N. Patterns of American Jurisprudence*. Oxford, 1995. P. 314.